

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А89

Художественное оформление серии *Сергея Власова*

Издательство благодарит
Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency
за содействие в приобретении прав

Арье, Вера.
А89 Сердце мастера / Вера Арье. — Москва :
Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-104910-2

Новый роман Веры Арье — это история о потерянном во время оккупации Парижа шедевре и о потерянных во времени людях.

Герои книги — журналист Родион Лавров и его юная спутница — берутся за заказное расследование, затрагивающее судьбы очень разных людей: одержимого московского коллекционера и обаятельного парижского махинатора, талантливый французский скульптор и его русской музы...

Современная Москва, довоенный Париж, пленительная атмосфера южного берега Франции — таковы декорации к этой многослойной истории, пронизанной верой в безграничную силу любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104910-2

© Вера Арье, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Открыта жизнь, открыты небеса,
Обнажены могилы, дети, боги.
Скрываются лишь тайные тревоги и ложь...
Скрываться не должна краса.

Альфред де Мюссе

*Все события и персонажи вымышлены, со-
впадения с реальностью случайны.*

I

Тристан

На всем многолюдном, как Кана Галилейская, антикварном рынке Парижа не было человека, который усомнился бы в том, что сорванца Тристана Леру ждет великое будущее. Леру с его выразительной внешностью эпического героя — тугими кудрями, скульптурным носом и мечтательными темными глазами — просто обязан был стать великим художником! Его родители приложили к этому немалые усилия: отец, часовщик Этьен Леру, вскоре после окончания войны выкупил за последние деньги у обитателей северного пригорода столицы кусок земли, на котором обустроил скромное жилище и разбил крошечный сад, где маленький Тристан мог часами просиживать на деревянном ящике, делая углем свои зарисовки.

Вокруг кипели такие сюжеты, что мальчонка только и успевал хватать новый клочок оберточной бумаги, кладя отработанный на деревянную

подставку, сооруженную для него отцом. Когда-то пригород Сент-Уэн был населен одними цыганами — настоящими королями парижской «блошинки», но со временем их изрядно потеснили старьевщики, продавцы краденого, картежники и прочие полуголодные «ловцы счастья». Особое место среди них занимали «шифонье» — собиратели тряпья, сбывавшие ветхую одежду городской бедноте, а прочий текстильный хлам — бумажным мануфактурам. После Второй мировой Сент-Уэн начал превращаться из очага беззакония в место новой застройки и организованных уличных рынков. С раннего утра на пыльной землебитной «блошинке» толкались люди всех сортов, пытаясь продать последнее, что уцелело после оккупации, либо приобрести редкие вещи по бросовой цене. Не упускали своего и карманники: сновали между тесных рядов, прижимаясь к рассеянным дамам вплотную, заглядывая через плечо, торгуясь, рассматривая диковинный товар, а потом исчезая с подрезанным портмоне в наваристой, как французский луковый суп, толпе.

По пятницам, едва заканчивались уроки, Тристан ввинчивался в эту бурлящую массу и жадно впитывал впечатления: вот аккуратно одетая старушка разложила на самодельном лотке столовые принадлежности: крахмальные батистовые

салфетки, костяные подставки под ножи, черненные ложечки для варенья, солонку и перечницу из серебра с замысловатым тиснением... А вот магазинчик Ахмеда — этот мелочовкой не торгует, любит формы покрупнее: ажурные напольные вазы, монументальные мраморные бюсты, шаткие десертные столики, зеркала в золоченых рамах, инкрустированные бюро и гобелены — все, что послужило бы прекрасной обстановкой для трёхсотметровой квартиры какого-нибудь зажиточного адвоката или промышленника. Рядом с ним — лавка мадам Дарю, она страстная собирательница ламп и канделябров. Тристан мог часами разглядывать всех этих крутобедрых купидонов, бесстыжих нагих нимф, хищных львов, диковинных птиц, украшающих изножья настольных ламп с гофрированными абажурами. На отдельном круглом столике из темно-вишневого дерева мадам выставляла бонбоньерки и десертные «горки». Тристан прикрывал глаза и представлял, как призывно посверкивают на них глянцевые пирожные, подтаивают шоколадные суфле, томится фруктовый мармелад, оплывает медовая нуга... Всей этой роскоши ему попробовать пока не доводилось: родители еле сводили концы с концами, и лишь раз в году, под Рождество, Тристан получал долгожданную коробочку с разноцветными «рудуду» — крошечными ракуш-

ками, наполненными сваренным сахаром. Тристан вылизывал их до полного онемения языка, а потом хранил как напоминание о том, что праздники все же существуют...

В один из дней, бесцельно слоняясь по рынку, он заприметил мальчишку-голодранца примерно одного с ним возраста. На его тощих ногах болтались несуразного размера ботинки, которые он примотал шнурками к костистым щиколоткам, едва прикрытым короткими штанами. На плечах его висел линялый пиджак, карманы которого были подозрительно оттопырены. Голодранец терся возле приземистого мужичка с козой — тот всегда приходил на толкучку с чемоданчиком, наполненным круглыми сморщенными сырами собственного изготовления. Сыры источали кислотовато-сывороточный аромат, от которого у Тристана начинало мучительно урчать в желудке. Коза стояла смиренно, разглядывая сквозь узкую бойницу зрачка кипучую «блошиную» жизнь и не причиняя хозяину, придерживающему ее за веревку, особенных хлопот.

Повертевшись вокруг, мальчишка уличил момент, когда мужичок ослабил хватку и полез в карман за сигаретой. Тут же быстрым и ловким движением «гаврош» достал из-за пазухи сложенный многослойным треугольником тетрадный лист

и резко взмахнул им, словно разрубая воздух. Раздался громкий хлопок — коза, всполошившись, дернулась и припустила между рядов. Мужичок, выронив сигарету, бросился за ней, сшибая на ходу хрупкие антикварные препятствия. А Тристан, раскрыв рот, смотрел на шутника, который с цирковой сноровкой подобрал с земли свою бумажную хлопушку, защелкнул фибровый чемоданчик и рванул с места к выходу, лихо перепрыгивая через старушечьи скатерки с разложенными на них семейными раритетами.

Ну, артист!..

Под вечер Тристан брел к дому совершенно обессиленный. Нервный и впечатлительный, он словно пьянел от полученных за день «блошиных» впечатлений: обжигающих брызг, разлетающихся из-под шлифовального круга, когда бродячий точильщик ножей брался за дело; приторного запаха каштанов, обжариваемых цыганами на решетке, пристроенной поверх обрезанной бочки; ритмичного постукивания колес ручных тележек продавцов «четырёх сезонов», везущих груды овощей и фруктов по улице Розье; тягучего, с хрипотцой, напева стекольщика, плывущего по центральной артерии «блошинки» со своей хрупкой ношей и выводящего голосом минаретного зазывалы: «Каа-муу стек-лоо?! А-а каа-муу плит-куу?!»...

От всех этих канделябров, альбомов, гравюр, хрустальных пепельниц, каминных часов, бронзовых чернильниц, бюстов Бонапарта, кружевных бюстье, бархатных перчаток, лаковых шкатулок, серебряных ножей, табакерок, карманных часов, гребешков, запонок, мундштуков и хрустальных графинов в его голове образовывалось такое звенящее великолепие, что он ночи напролет просиживал над желтоватыми листами, покрывая их карандашными или угольными орнаментами.

Увы, на смену подлунному творческому счастью приходил кошмар светового дня: с учебой у Тристана решительно не клеилось. Он не ладил с точными науками, а к гуманитарным его интерес просыпался только в том случае, если учебники были снабжены подробными иллюстрациями.

Отцу тем временем с большим трудом удавалось добывать семье на пропитание — после многих лет, проведенных в тускло освещенной часовой мастерской, он начал терять зрение. Мать от безысходности подалась подрабатывать кухаркой «У Кики» — в музыкальном ресторане, расположенном в самом центре «блошинки». Заведение славилось щедрыми порциями и лучшими в Сент-Уэне *moules-frites* — мидиями с обжаренной в кипящем масле картошкой. Тристан иногда приходил к ней под

вечер, помогал с мытьем посуды, выносил помои, стараясь не попадаться владельцам на глаза. Иногда ему удавалось перехватить каких-нибудь объедков и присесть на полу, в самом углу зала, целиком обратившись в глаза и слух. Стянув несколько бумажных салфеток, он зарисовывал огрызком простого карандаша все, что видел: вот, например, эти двое, за столиком напротив. Он — высокий брюнет под сорок, смахивающий на американского актера Брандо: в штучном галстуке и приличном твидовом костюме, он был не из тех, кто покупает шляпы на «блошинке». Она — миниатюрная шатенка слегка уцененной внешности, явно проигрывала ему в элегантности. Но нежный переливчатый смех, обволакивающий взгляд и мягкая податливость, сквозившая в каждом жесте незнакомки, делали ее, бесспорно, притягательной — это прочитывалось во взгляде ее холеного спутника...

Карандаш Тристана порхал, схватывая с фотографической точностью ее тонкий профиль, крупноватый рот, очерченный яркой помадой, убранные в пучок волнистые волосы. Вот мужчина смеется, наклоняется к ней и что-то шепчет, незаметно прикасаясь пальцами к острому локтю. Она смущенно молчит, но всего через мгновение ее узкая стопа начинает скользить по истертому паркету навстречу его ботинку, а голова склоняется в едва уловимом кивке.

— Чем это ты занимаешься здесь, бесенок? — зычный голос мадам Кики выдернул Тристана из полузабытья в тот момент, когда его карандаш уже заканчивал свой фривольный танец по расправленной на полу салфетке. Она смотрела на него сверху вниз сквозь густо накрашенные ресницы, расправляя на округлом животе передник, украшенный вышивкой «ришелье» и витиеватой надписью «Chez Kiki». На ее коротковатых пальцах поблескивали разноцветные фальшивые каменья — из тех, которыми местные цыгане иногда расплачивались за обед.

Тристан вжал голову в плечи и попытался спрятать изрисованные салфетки, но опоздал: крепкая пятерня сгребла их с пола и швырнула на барную стойку. С кухни в зал выглянула обеспокоенная мать. Тристан поднялся и начал протискиваться к ней между столиков, с тоской осознавая, что это был его последний вечер, проведенный на этом липковатом полу за любимым занятием. Мать чмокнула его в макушку сухими губами и произнесла:

— Такие, как мы, везде лишние... Пойди, вынеси ведро да отправляйся домой, отец там совсем один. Вот, возьми... — она сунула Тристану сверток с еще не остывшей едой и пододвинула ногой ведро с овощными очистками.

— В моем ресторане за еду и гостеприимство принято платить! — резкий окрик хозяйки обжег Тристана, как пощечина. В руках она держала разрисованные им за этот вечер салфетки. — Но ты хорошая работница, Клотильда. А у мальчишки твоего определенно талант! Вот что... — мадам Кики развернулась всем телом к Тристану, обдав запахом здорового женского пота, смешанного с какими-то навязчивыми духами, — видишь эти рамки на стенах со старыми фотографиями? Я давно думала, что пора бы их сменить на что-нибудь... посовременнее. Вон тот плохонький столик в углу теперь твой! Садись и рисуй по вечерам, все, что видишь вокруг. Аккордеониста, малышку Лулу́ за стойкой бара, всю эту молодежь, что кутит тут ночи напролет, ну и остальных гостей... тех, что понаряднее. А уж твою мать я не обижу!

Домой Тристан бежал вприпрыжку. Его рисунки будут украшать стены самого роскошного заведения парижской «блошинки»! Надо срочно придумать, как их подписывать. Ведь у каждого художника должна быть своя монограмма...

Как пролетела промозглая зима, Тристан и не заметил — все вечера он проводил у Кики, а в выходные продолжал крутиться на толкучке. Под Рождество ему удалось даже продать пару собственных